

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1927

виде (Сб. Р. Ист. Общ., т. 41, № 26), он нашел бы вполне конкретную картину этого будто бы таможенного сбора: Киселев «съ Цевели» брал «приехавъ», вязал десятского, взял и корову и овцу и т. д.

В руках М. Г. Худякова была возможность заставить читателя забыть на время об историках, не удовлетворивших автора, и заинтересовать свежим материалом, вводимым им в обращение. Разумеется открытый в недавнее время ярлык казанского хана Сахиб-Гирея. Автор привлекает его к уяснению весьма интересных вопросов из области общественного строя ханства, но русский читатель избалован точными приемами плеяды русских ориенталистов, писавших о «России и Азии» и ждет другого изложения. Не употребляя в книге нигде арабского набора, М. Г. Худяков предлагает прямо свою передачу нужных ему мест памятника, который все еще ждет палеографической и дипломатической критики.

В предисловии автор приносит благодарность Гаязу Максудову и Г. С. Губайдуллину, которым книга «обязана своим появлением». Появилась книга при auspiciis исключительно благоприятных — ни казанский университет, ни старейшие ученые общества Казани не могут в то же время предать тиснению ни одной страницы своих исторических трудов. При появлении книга была приветствована рецензией проф. Н. Н. Фирсова в официальных казанских «Известиях» (1923, № 233). «Это книга, которой не доставало (пишет рецензент). Татарская республика должна иметь историю того государственного союза, из которого она вышла через длинный период тяжелой зависимости от другого государственного союза». Работа М. Г. Худякова признается исполненной с «большим знанием источников и пособий нелегкого предмета». Мы позволили себе привести эту ссылку на чужую рецензию потому, что без ее пособия не могли бы себе уяснить ни запросов, которым книга М. Г. Худякова должна была удовлетворить, ни того круга читателей, который своим появлением она уже удовлетворила.

1924, февраль.

С. Порфирьев.

14. मिश्रबन्धु (गणेशविहारी मिश्र, श्यामविहारी मिश्र, शुक्देवविहारी मिश्र) हिन्दी साहित्य का संक्षिप्त इतिहास । प्रयाग १९७५ । ४ + १८
т. е. Mişrabandhu (Ganeşvihārī Mişra, Şyamvihārī Mişra, Şukdevvihārī Mişra). Hindī Sāhitya kā samkṣipt itihās. Prayāg (Аллахабад) 1975 (т. е. 1919), стр. 4 + 98.

15. F. E. Keay. A history of Hindi Literature. Mysore 1920, стр. 116.

16. Sayyid 'Abdul-Latif. The Influence of English Literature on Urdu Literature. London 1924, стр. XIII + 141.

Еще в самом начале развития индологии Wilson писал: «The Hindi dialects have a literature of their own and one of very great interest»... Ближайшим выражением интереса к литературе хинди и урду явился труд M. Garcin de Tassy «Histoire de la littérature hindoui et hindoustani».¹ Двухтомный труд Garcin de Tassy не имел предварительной базы в виде научных изысканий, посвященных отдельным представителям литературы хиндустани, либо отдельным эпохам ее. Огромное большинство рассматриваемых или упоминаемых им авторов не было издано, да и по настоящее время остается не изданным, и первому историку пришлось работать по рукописям отдельных поэтов и по кратким обзорам различных туземных авторов.

Эти обстоятельства обусловили примитивность построения «Истории Литературы» Garcin de Tassy. Он перечисляет 750 авторов, называет свыше 900 произведений, но, во первых, биографии авторов у него в одном томе, образцы их произведений (во французском переводе) в другом; во вторых, представители литературы хинди и урду рассматриваются вперемежку — по алфавиту, т. е. начиная с 'Abd ul barr'a и кончая Zuhuri. Автор даже не пытается внести какую либо схему, так как даже самая простая — хронологическая — система ему казалась преждевременной за отсутствием дат как на самих произведениях, так и у туземных примитивных историков литературы. Несмотря на указанную примитивность построения, труд Garcin de Tassy и по настоящий момент не утратил своего значения.

Значительным шагом вперед в деле изучения литературы хиндустани является труд G. A. Grierson «Modern Vernacular Literature of Hindustan».² В связи со своими более широкими заданиями Грирсон, естественно, уделяет значительно меньше, чем Garcin de Tassy, внимания литературе хиндустани, однако он вводит, насколько это возможно, хронологическую схему и выдвигает на передний план все наиболее значительное, имеющееся в литературе на том или ином из новоиндийских языков.

Трудами Garcin de Tassy и Grierson'a, а также краткой заметкой Winternitz'a³ исчерпывается наличность работ, трактующих на европейских языках об истории литературы хиндустани в целом. Различные авторы направляют свое внимание либо на отдельных поэтов, либо суживают свою задачу рассмотрением того или иного литературного явления. Исключительное внимание привлекал, естественно, Tulsi Das.

¹ Первое издание в 1839—47 гг., Paris.

² Calcutta, 1889.

³ Geschichte der indischen Literatur III. Leipzig 1921.

На туземных языках, кроме литературных обзоров, посвященных более или менее значительной группе авторов и уже отмеченных Garcin de Tassy,¹ наиболее значительной является «История литературы хинди» Çiv Sinh Seṅgar'a (शिवसिंह सेंगर), которая послужила важнейшим пособием для Грирсона в его работе над указанным трудом. Труд Çiv Sinh Seṅgar до последнего времени являлся наиболее полной сводкой исторических данных о поэзии на хинди. Автор называет тысячу имен поэтов литературы хинди, дает, где это возможно, краткую биографию, указывает даты важнейших произведений и иллюстрирует их извлечениями, характеризующими язык и стиль автора.

При такой скудости научных трудов о литературе хиндустани понятен тот интерес, который вызывается появлением трех указанных в подзаголовке работ, из которых две посвящены литературе хинди и одна литературе урду, так как они свидетельствуют о несомненном сдвиге, о возрастании интереса к литературе хиндустани.

Небольшая книга Miçrabandhu представляет сокращение большого труда трех братьев Miçra, носящего название मिश्रबन्धुविनोद् Miçrabandhu Vinod. В этом большом труде авторы рассматривают свыше 3500 поэтов и писателей. Hindi Sāhitya kā saṁkṣipt itihās является извлечением, построенным по тому же принципу, что и большой труд.

В развитии литературы хинди авторы различают шесть периодов: 1) начальный — с VII до начала XVI века; 2) период созревания (1505—1623); 3) начало расцвета (1624—1704); 4) период полного расцвета (1705—1830); 5) новый период (1830—1869) и 6) современный с 1870 по настоящее время.

Хотя в основу своего разделения авторы поставили эволюцию языка, однако, как и всякое разделение, оно является в значительной мере искусственным, и в данном случае продиктовано стремлением отметить параллелизм, который наблюдается в развитии языка и литературы хинди, с одной стороны, и языка и литературы английской, с другой.

Авторы отмечают, что начальные периоды хинди и английского языка совпадают ये दोनों भाषायें समकालीन हैं. Синхроничны также и моменты расцвета обеих литератур, (что отмечалось уже Грирсоном). Шекспиру, указывают авторы, в литературе хинди и по времени и по своему значению соответствует Tulsī Das, в «Рамаяне» которого наблюдается такое же разнообразие и художественное изображение характеров, как в «Гамлете» (हैमलेट), «Макбете» (मैकबेथ), «Отелло» (ओतेलो), «Короле Лире» (किङ्गलिर्) и

¹ Кроме Histoire de la littérature, см. также Les auteurs hindoustanis et leurs ouvrages. Paris 1868.

всех других драмах в целом. В поэзии Sital (सीतल) отмечается сходство с Байроном, равным образом Вальтер Скотту соответствует Padmākar (पद्माकर). Проведение подобного параллелизма приводит иногда к натяжкам, но если принять во внимание, что значительное количество современной индийской интеллигенции лучше знает английскую литературу, чем литературу хинди, оно оказывается не бесполезным.

В каждом из названных периодов авторы отмечают меньшие промежутки, которые характеризуются расцветом поэтической деятельности того или иного крупного автора. Так, например, во втором периоде, соответствующем по времени эпохе европейского ренессанса (पुनरुत्थान), авторы отмечают три момента: Sūr Dās (सूर दास), поэты двора Акбара и Tulsī Dās (तुलसी दास).

На руководящих поэтах авторы останавливаются довольно подробно, причем биографических сведений почти не дают, а кратко, метко и четко характеризуют важнейшие произведения, и, что особенно важно, отмечают особенности стиля и языка каждого из них. После каждого из больших поэтов кратко рассматриваются либо только называются второстепенные авторы (दूसरी श्रेणी के कवि).

Каждый период заканчивается общей характеристикой языка данной эпохи. Таким образом развитие литературы рассматривается на фоне эволюции языка и стиля хинди. Этот принцип проведен последовательно и сообщает оригинальность и стройность небольшой работе Miṅrabandhu. В конце книги авторы дают выдержки из стихотворных и прозаических произведений, начиная с XI в. по наше время. Эти краткие выдержки выбраны очень умело, и очень выпукло представляют характерные особенности той или иной эпохи.

Рассмотрение книги Miṅrabandhu убеждает, что индийские историки литературы могут умело пользоваться европейским историческим методом изучения и построения истории литературы, и заставляет ожидать появления на туземной почве солидного труда по истории литературы хинди.

Небольшая книга F. E. Keay (A history of Hindi Literature) посвящена литературе на западном и восточном хинди. Кратко очертив этапы в развитии индоарийского языка, отметив положение и значение хинди в среде других новоиндийских языков и указав на характернейшие черты просодии хинди, автор на нескольких страницах дает общий обзор литературы на хинди и намечает, кроме начального развития литературы хинди, три периода: 1) 1400—1550, 2) 1550—1800; 3) 1800 по наше время.

Лишь перечислив древнейших авторов (с 700 по 1150), Keay рассматривает поэзию бардов. На трех из них Chand Bardāi, Jagnayak и

Sarang Dhar он останавливается подробно, давая довольно полные биографии и образцы их поэзии в английском переводе. В следующей, четвертой главе автор рассматривает «early bhakti poets» (1400—1550), то есть поэтов, связанных с развитием Вишнуитского движения (Ramananda, Kabir, Nanak, Mira Bai, Malik Muhammad Jayasi и др.). Пятая глава трактует вопрос о влиянии двора моголов на развитие поэзии хинди (1550—1800). Шестая посвящена Tulsi Das и культу Рамы. Седьмая — последователям Кабира (1550—1800), восьмая носит название «the Krishna Cult» (1500—1800), девятая — «bardic and other Literature» (1550—1800), десятая «the modern period»...

Уже простое перечисление названий различных глав показывает, что автор не следует даже им самим выставленной хронологической схеме, привлекая, как главное средство характеристики литературных периодов, явления не литературного порядка. В этом имеется, конечно, своя доля основания, так как различные религиозные движения Индии пользовались разными диалектическими формами хинди, но они сосуществовали почти в каждом из указанных периодов и взаимно влияли друг на друга, поэтому вряд ли уместно отгораживать их один от другого стеной. Относительно подробно Кеау рассматривает поэтов с 1550 по 1800 г., то есть периода, который в значительной мере был освещен и предшествовавшими авторами. Поэтов девятнадцатого столетия он только называет.

Таким образом книга Кеау, страдая конструктивными недостатками, игнорируя эволюцию поэтических форм вообще и языка в частности, во многом уступает краткому труду Micrabandhu. Она, кроме того, не дает ничего нового. Тем не менее она все же не лишена значения в данный момент, так как труд Грирсона, от которого автор в полной зависимости, давно вышел из продажи и стал недоступным.

Труд Sayyid 'Abdul-Latif (The Influence of English Literature on Urdu Literature) поднимает вопрос огромного значения о влиянии английской литературы на литературу урду. Книга представляет докторскую диссертацию автора, питомца Лондонского университета.

Она разделяется на три части: 1) Литература урду до английского влияния, 2) английское влияние, 3) результаты английского влияния.

Литературе урду до английского влияния автор посвящает всего 25 страниц, да и то больше половины их занято изложением политических, религиозных и социальных условий, в которых развивалась литература урду. В понимании автора, эта литература до английского влияния была нездоровым продуктом разлагающегося общества. В то время «the outlook was altogether dark and gloomy, and there was nothing in the life of the

Muslims to clear and brighten it . . . Urdu poetry, which took its rise in an atmosphere such as this, was uninspiring and lifeless (стр. 18).

Положение о безжизненности ранней литературы урду автор совсем не доказывает, так как нельзя же считать доказательством указание, что литература урду усвоила персидские поэтические формы: газели, касиды, рубай и др. О том, как воплощались эти формы у поэтов, писавших на урду, автор не говорит ничего конкретного, кроме того, что они много заимствовали от персидских авторов. Меж тем, не говоря уже о других, еще Garcin de Tassy¹ отметил, что даже в просодии поэты урду вовсе не были пассивными. Новые образы, новые идеи, которыми блещут Ghalib, Zauq и др. оставляются автором без внимания, и он ставит в заслугу старым авторам лишь то, что они отшлифовали язык, сделав его прекрасным средством выражения здорового духа и идей, привезенных англичанами.

Современное увлечение индомусульманских националистов своими старыми поэтами вызывает его презрительное замечание: «it has become the fashion with the younger school of Muslim literary critics to glorify and exalt the leading Urdu poets out of all proportion to their intrinsic worth» (стр. 103). Ни из первой части, ни из кратких замечаний, рассеянных в других частях, нельзя вывести заключения, что высказанные автором взгляды основаны на серьезном изучении материала, подлежащего его рассмотрению. Его штудии не шли дальше труда Азада, آبِ حیات

Вторая часть «English Influence» (31—44) указывает «пути», которыми проникало английское влияние в Индию. Первый из этих «путей» называется «the Atmospheric Influence», под которым автор понимает факт утверждения английской власти в Индии: «with 1858 (т. е. с переходом управления Индией к короне) there dawned a new era in the country». Следующими проводниками влияния англичан являются: система воспитания, религиозные, социальные и политические движения, а также пресса. В этой главе о влиянии английской литературы мы не находим ни слова.

Третья часть (Results of English Influence) должна вызвать наибольший интерес, но, к сожалению, и она в значительной своей доле трактует о фактах не литературного порядка. Из фактов, относящихся к литературе, автор говорит о деятельности Gilchrist'a, который способствовал развитию прозы на урду и хинди, привлекая ряд мусульманских и индусских авторов к переводческой на урду деятельности — все это факты, известные из предисловий к школьным изданиям باغ و بهار Mir Amman² и प्रेम सागर

¹ Rhétorique et Prosodie des langues de l'Orient Musulman. Paris, 1873 (стр. 379 и сл.).

² Bāgh o Bahar, London, 1873 (предисловие).

Lallu Lāl,¹ и не выходящие за пределы того, что дается в соответствующих местах в «Encyclopaedia Britannica».

Говоря о проникновении в урду английских лексических элементов, автор отмечает всего десятка два слов. Этого слишком мало, так как, например, газетный язык в сильной степени перешел на английскую, вернее на европейскую в английской окраске, терминологию.

Новыми формами прозаических произведений автор считает биографию, историю, драму и литературную критику; их по его мнению «урду заимствовал из английской литературы» (стр. 87). На следующей же странице он сам отмечает, что уже в XVIII веке были многочисленные «Sawānīh-i-Umri», «Ḥayāt», «Sirat», «Tazkirah» и т. д., при чем значительная часть их говорила о жизни святых, то есть была написана лицами, в которых очень трудно видеть проводников английского влияния в такую раннюю пору. Не взирая на этот факт, автор считает «биографию» заимствованием на том лишь основании, что якобы под английским влиянием явились «серьезные биографии».

То же самое наблюдается и с повествовательной художественной литературой: после перечисления существовавших до англичан художественных форм, носивших названия «Afsāna», «Qisṣa», «Kahānī» и т. д., указания на переводы европейской прозы и перечисления названий новых произведений на урду, приходится только поверить автору, что английское влияние наблюдалось.

Едва ли прав автор, приписывая исключительно английскому влиянию появление драмы на урду. Правда, драма урду усвоила английскую терминологию для самого названия драмы (دراما), акта (ایکت), сцены (سین) и т. д., но могло быть влияние и местной индийской драмы.

Относительно поэзии автор сам указывает, что попытки ввести европейскую просодию совершенно не удалась. Вместо ghazal, qasida в новое время стали более употребительны musaddas, masnawī, qīṭa' и др. Автор приписывает эту смену английскому влиянию на том основании, что эти формы ближе к европейским. Это утверждение, по существу, возможно, и верное, не доказано. Большая свобода и искренность несомненно являются характерными для новых поэтов, особенно Halī, который многократно цитируется автором, но они могли явиться и результатом изменения общего положения ислама.

Автор совершенно не ставит вопроса о том, что могло явиться естественным результатом исторического развития литературы урду и что несомненно обязано своим появлением английскому влиянию.

¹ Prem Sāgar. Hertford, 1851 (предисловие).

Из всей книги 'Abdu'l-Latif'a с несомненностью видно только два факта влияния: 1) под английским влиянием получила свое развитие проза; 2) английскому (или вообще европейскому) влиянию обязана своим возникновением социальная повесть или роман. Но эти факты были известны и до появления настоящего труда.

Английское влияние на литературу и на язык урду несомненны. Урду, особенно разговорный или газетный, представляет пеструю мозаику, в которой английские лексические элементы являются очень частыми вкраплениями. Научная и техническая терминология в своей значительной части английские. Огромно также и влияние на литературу, преимущественно прозаическую, и на идеологию авторов урду. Однако автор, больше знакомый с английской литературой, чем с литературой урду — насколько об этом можно судить по рассматриваемому труду — не справился с поставленной задачей. Это совершенно понятно, так как вопрос поставлен слишком широко для данного момента, когда совершенно отсутствуют подготовительные в данной области работы.

А. Баранников.

17. ज्वालादत्त शर्मा । उस्ताद जौक और उनका काव्य । तृतीय बार । कलकत्त १९२४ (6 + 119 + 8).

18. ज्वालादत्त शर्मा । महाकवि गान्धर्व और उनका उर्दू काव्य । तृतीय संस्करण । कलकत्त १९२४ (6 + 96).

Во взаимоотношениях индийских мусульман и индуистов за последнее время произошел весьма чувствительный перелом. Напряженный антагонизм, который длился несколько столетий, заметно ослабел. Хотя и теперь любая туземная газета пестрит известиями о розни между мусульманами и индуистами, но эти раздоры получили более мирный, чем прежде, характер. Индуистам удалось привлечь мусульман к делу национального освобождения, и с той поры, то есть с 1916 года,¹ когда мусульмане вошли в национальный конгресс, дело объединения заметно подвигается. Огромную роль в этом сближении сыграло гандистское движение и его вождь Ганди.² В своих произведениях и речах он постоянно указывал, что в единении — общее благо индуистов и мусульман, и звал к этому единению. В результате этой взаимной тяги к единению проявилось стремление ко взаимному пониманию. Это вызвало интерес к литературе своих соседей иноверцев — у мусульман к литературе бенгальской и хинди, у индуистов — к литературе урду.

¹ См. सिधनाथ माधव लोढे । कांग्रेस का जन्म और विकास । कलकत्ता १९७८, стр. 20 и след.

² Ср. गोरखपुर में गान्धी जी । कलकत्त १९७८. Из серии «Hindi pustak agency».